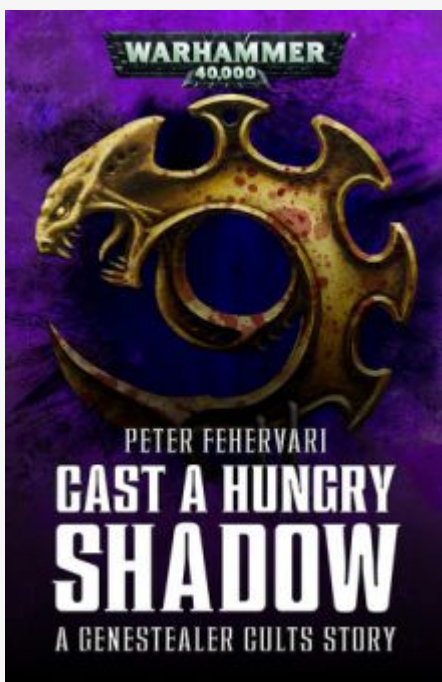

Голодную отбрасывает тень / Cast a Hungry Shadow (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Голодную отбрасывает тень / Cast a Hungry Shadow (рассказ)

Автор [Петер Фехервари / Peter Fehervari](#)

Переводчик [Rost_Light](#)

Издательство Black Library

Серия книг Темный Клубок

Год издания [2016](#)

Подписаться на обновления [Telegram-канал](#)

Обсудить [Telegram-чат](#)

Скачать [EPUB](#), [FB2](#), [MOBI](#)

Поддержать проект

«Вера - всепожирающая тварь,
что пылает жарче самого неистового пламени»

Инквизитор Айон Эшер

Пока трое спасителей взбирались на гору, шквал, что терзал их на протяжении всего странствия,

усилился и сгустился до черной метели, угрожавшей сбросить путников с узкой тропы. Сажевые бури были привычны для обитателей этого опаленного скалистого шара, но в нынешней жила такая свирепость, какой Эфрас, рожденный (и перерожденный) на Искуплении, никогда не видел за двадцать один год жизни. Она гневалась.

- Нам ниспослано испытание, - пробормотал юный миссионер в дыхательную маску, пробираясь вперед наперекор ветру. - Отсеченный Шпиль возроптал на учение Спирального Отца и хочет отвлечь нас от нашего долга!

Высказанная вслух мысль придала ему сил и обновила клятву - нести просвещение этим грешным землям. Уже почти пятьдесят лет, с момента пришествия великого пророка, прячущееся глубоко в крови благословение Священной Спирали распространялось по единственному раздробленному континенту Искупления. Шпиль Вигиланс, однако же, до сих пор оставался в стороне, отсеченный от собратьев как физически, так и духовно. Семь шпилей Кольца Коронатус выступали из расплавленного моря подобно гигантским обсидиановым копьям, окружая столовую гору, лежащую в центре, с симметрией, отрицающей естественный порядок вещей. Словно спицы у колеса, огромные подвесные мосты соединяли шпили и плоскогорье, но тот, что отделял (или же связывал?) Вигиланс, был испещрен трещинами и сильно деформирован. Только отчаявшиеся или безумные могли избрать такой путь.

Или же истинно верующие.

«Мы перебрались там, где отступились столь многие, - пылко подумал Эфрас. - Ни ветер, ни огонь не в силах отвлечь нас от священной цели. Нам...»

- Нужно укрыться! - раздался позади грубый возглас, и чья-то ладонь ухватила его за руку. Обернувшись, Эфрас уставился на заговорившего аколита, не в силах различить, Жужек перед ним или Гуржах. Оба его спутника носили грубые коричневые рясы и прятали лица за глубокими капюшонами, ибо доставшиеся им дары пугали непосвященных. В здешней глуши не было нужды для подобных ухищрений, но осторожность аколитов была врожденной, и они всегда соблюдали её. И, если Эфрас был всего лишь человеком, то его спутники - истинно спиралерожденными. Оба принадлежали ко Второй святой парадигме формы. Когда-нибудь их потомки смогут открыто разгуливать по Искуплению, но этого восхитительного дня придется ждать десятилетиями, а то и веками.

- Сюда смотри! - прошипел аколит, указывая на скалистый утес позади них. Эфрас протер измазанные сажей очки и прищурился. В горном склоне зияла выемка, угловатая и обрамленная мозаичными блоками. Святилище. За почти два дня путешествия им попались только шесть таких, что являлось еще одной особенностью Вигиланса, поскольку другие шпили были просто усыпаны местами для поклонения. Само Кольцо Коронатуса было сетью из веры, высеченной в грубом камне гор - по слухам, более старым, чем Империиум Человечества.

- Укрыться! - настаивал аколит. Как и у большинства сородичей, его челюсти не подходили для речи, поэтому он экономил слова.

Эфрас колебался, не желая уступать буре, но было бы глупо упустить такой шанс и рисковать падением. Он улыбнулся спутнику:

- Твои глаза острее моих, брат!

«И не только глаза», - подумал он, содрогаясь от благоговения.

Спуск, начинавшийся сразу за входом, оказался тесным и заваленным обломками барельефов, что некогда украшали стены. Эфрас нахмурился, разглядев при свете люмен-фонаря, насколько велик ущерб. В разгроме ощущалась основательность, чуждая естественному разрушению. Кто-то ободрал эти стены дочиста и разбил резные картины на куски, искореняя их посыл. Это было надругательство. И, хотя Эфрас несколько не почитал имперских воинов-богов, которым поклонялись обитатели Вигиланса, у него вызвало отвращение само деяние.

«Уж не Кредо ли это? - тревожно подумал путник. - Неужели они здесь?»

Подобное кощунство было вполне в духе этого варварского культа, но его последователи всегда оставляли за собой знак своего мессии, а Эфрас не заметил на стенах ни одного символа Опаленной Руки.

- Старый разор, - хрипло произнес один из аколитов. - Много лет.

Эфрас кивнул. Он понятия не имел, как собрат узнал это, но безоглядно доверял его инстинктам. Если обращенные вроде самого путника несли слово Спирального Отца, то аколиты, подобные Жужеку и Гуржаху, были Его святыми воителями. Без их защиты Эфрас никогда бы не добрался живым так далеко. «Можно переждать бурю здесь», - подумал он, пытаясь рассмотреть проход впереди. Визг бури здесь звучал приглушенно, но вулканические раскаты усилились и струились из глубин, словно призрачная кровь по жилам окаменевшей твари.

И даже смерть не могла смирить ее ярость.

«Спускайся глубже, Эфрас», - воззвала его вера, ибо она обладала собственным голосом, хотя говорила редко и только шепотом. Сердце миссионера воспарило, он ощутил новую решимость исполнить приказ. Он должен был явиться в Вигиланс и найти тех, кто сбежал туда от гонений в темные дни, предшествующие возвышению Спирального Отца, но к заданию карты не прилагалось. Лишь вера была ему проводником, и она заговорила с ним!

- Туда, где лишь тьма, мы принесем свет, братья! - продекламировал Эфрас, шагая вглубь подземелья.

Она давно позабыла имя, данное ей при рождении, но потерянные звали ее Вещуньей.

Это было истинное имя женщины, ибо слова её, как и тяжесть гор, были неоспоримы, хотя ей больше и не приходилось говорить вслух, чтобы быть услышанной. Нужда в этом пропала, как и души потерянных. Вещунья не помнила, как давно это произошло или сколько лет она провела среди них, но никак не могла забыть ужас, загнавший ее сюда: бесконечно острый, воплощенный в блеске тысячи факелов и острых лезвий, в суровом осуждении женщин-воительниц, что держали их. Но крепче всего Вещунья помнила предостережение умершей матери: «Если тебя найдут, Сороритас изгонят тебя на Черные Корабли».

Что такое «Черные Корабли» и зачем она им нужна, женщина знать не желала, но стоило ей задуматься о будущем, как она видела ждущие ее суда - алчущих хищников, что обещали одну лишь боль. В будущем для Вещуньи не было места, поэтому она выбрала это чистилище - для себя и для своих подданных. Сломленные, лишенные всех потребностей, кроме желания служить, они заботились о нуждах госпожи, пока она взирала в пустоту. В правлении женщина ставила перед собой только одну цель: не допустить перемен и ужасов, что последуют за ними.

Но перемены сами пришли в ее владения.

Стоя среди толпы живых мертвецов, Вещунья смотрела, как трое нарушителей входят в ее ветхое убежище. В свете их фонарей померкло румяное свечение озера лавы, что лежало посередине укрытия. Она знала, что чужаки не смогут заметить ее главенство, ведь она выглядела такой же изможденной и грязной, как и её поданные. Благодаря этому она могла безнаказанно оценить вошедших, пока те замешкались на пороге. Главным у них был высокий юнец с честным лицом, что осматривал её народ с отвратительной жалостью и невежественной добротой во взгляде, от которой почему-то становилось только хуже. Его Вещунья сразу же возненавидела, но двое других были... иными. И, пусть из-за ряс они выглядели ссутулившимися и безликими, от них исходил ледяной и непреклонный голод, не ведающий ужаса - тот был не в силах даже коснуться незнакомцев. Осознание этого очаровало ее, поскольку давало надежду, но и отталкивало, потому что надежда, разумеется, была ложью.

Нарушители, судя по всему, решили, что потерянные для них не опасны, и приблизились к толпе. Юнец на ходу произносил какие-то банальные фразы. Подданные Вещуньи, не способные испытывать страх или любопытство, безвольно уступали дорогу чужакам, пока госпожа наблюдала с дальнего берега

лавового озера. Она была так уверена в никчемности юноши, что поразились до глубины души, когда он взглянул на нее – заглянул прямо в нее. Нечто иное скрывалось за его взглядом – столь же ледяное, как и его спутники, но гораздо более сильное. И этот разум понял, кто она такая!

Как только юнец раскрыл рот, собираясь что-то сказать, свернутый в клубок страх Вещуньи в ярости распрямился, и она атаковала чужака своей волей, будто эфирная кобра. Тот закричал – его тело разрывало в сотне противоположных направлений, раскалывая его сухожилия, кости и даже рассудок, превратив его в абстрактную пародию на человека. Женщина еще держала дергающиеся останки в воздухе, когда создания в капюшонах медленно подняли вверх руки, но она ощутила ложь в их признании поражения. За этим что-то скрывалось.

– Мы предлагаем... – начал один из них, но Вещунья бросила его в стену, высоко над входом, размазывая его между скалой и волей, пока он не был смят. Будто бы признавая ошибку, последний незнакомец поднял третью руку с острым, как бритва, когтем в оболочке из жестких шипастых пластин, напоминающих панцирь насекомого.

– Покой, – прохрипело создание, выдавливая слова. – Мы несем... покой.

– Покой? И конец ужасу? – даже охваченная яростью, Вещунья мечтала поверить ему.

– Будь сильной, – настаивал чужак.

Женщина смутно осознавала, что теперь говорит его хозяин – сокрытый разум, что она видела за глазами того юнца. Он ускользнул в новое тело. Возможно, нечто настолько могущественное и вправду может исполнить свое обещание. Вещунья страстно желала выслушать его, но не могла одолеть гнев. Сдерживаемый слишком долго, он проголодался.

– Подожди! – прошипело создание.

Ярость Вещуньи с диким воплем метнулась вперед и разорвала говорившего. На миг под капюшоном мелькнул удлинённый череп с зубастой пастью, но в следующее мгновение его разнесло на части, и звериный лик исчез в брызгах крови. Но гнев женщины еще не насытился. Движением глаз она разорвала на куски одного из своих последователей, затем другого и третьего – ее воля вгрызалась в безучастную толпу, словно буря из лезвий.

Дрожа от напряжения, Вещунья смотала гнев обратно в клубок – связала за крошечное мгновение до того, как он пожрал её целиком. Женщина держала ярость в узде со дня побега, но та лишь набиралась сил в тених безразличия. Опустошенная колдунья вновь отступила в пустоту, отвергая соблазны и покоя, и гнева. Поблекшими глазами она видела, как её подопечные подходят к кровавым цветам, распустившимся среди них. Их желудки были пусты, как и их разум, но, в отличие от невежества, голод хорошо знал, что нужно делать.

Мертвая Скала содрогнулась, и глубокие трещины разбежались по гладкой поверхности от человека, что преклонил колени на её ровной вершине. Затем расщелины вспыхнули злобным алым сиянием, видел которое только он, хотя и не имел глаз. Оба лопнули, словно перезрелые плоды, когда заразу Спирали выгнали из его плоти – а вместе с ней ложь, которой он жил прежде, как старую, так и новую.

Уже десять лет минуло с тех пор, и человек прошел долгий путь с момента своего очищения. Его взор, избавленный от посредников, стал честным, как и он сам. Исцеленный не мог видеть чужими глазами – таким трюком пользовался его враг, – но умел читать этот мир как никто другой, ведь тот служил его богу холстом.

«Кто-то только что пробудился, – разобрал человек. – Достаточно рассерженный, чтобы разбить оковы. Женщина? Девочка?»

– Кто ты? – спросил он. Его голос казался бормотанием опаленного трупа, но разносился даже сквозь шторм, бушующий вокруг него. – Где ты?

Кроме обугленного, но прочного комбинезона, от прошлой жизни у него осталось лишь имя: Гхарз. В

мире, где все было определено – и проклято – именами, исполненными значений, где каждый Шпиль был связан с добродетелью, которой никогда не будет достоин, человек цеплялся за прозвище, которое имело значение лишь для него самого. Разумеется, братья Опаленного Кредо выдумали другие, более темные титулы для своего мессии – Слепой Паломник... Горящий Человек... Несущий Огонь – но им хватало ума не называть его так в лицо. Для него правда всегда была сильнее любой сказки.

«Вигиланс» – прошептал он, когда расселины потемнели.

Гхарз встал, скрипя сочленениями прорезиненного комбинезона, и выпрямился. Он всегда был рослым человеком, чуть-чуть не дотягивая до семи футов росту, с мускулами, выпестованными за сорок лет, проведенных в шахтах на Искуплении, но его бог выковал из него нечто, выходящее далеко за пределы сил человеческих: укрепил кости и покрыл кожу чешуйками оникса, от которых рикошетила пули. Его волосы полностью сгорели, и на оголенной коже головы было выжжено клеймо в виде растопыренной пятерни, пальцы которой соединялись цепями. Маслянистый дым сочился из его рта и прижженных провалов на месте глаз, указывая на нестерпимый жар внутри. В перевязи за спиной он носил секиру, двуглавое лезвие которой высекли из обсидиана Мертвой Скалы, крепостью не уступавшего алмазу.

– Я освобожу тебя, друг, – пообещал он потерянной девочке.

Натянув на глазницы выпуклые очки, Гхарз спрыгнул с Мертвой Скалы и пролетел почти двадцать метров, отделявших его от равнины. Врезавшись в землю, он остался стоять прямо, едва заметив удар, который должен был расколоть ему спину. Восемнадцать Искупленных, его поклявшихся-на-огне товарищей, ждали на страже рядом с боевыми мотоциклами – они не двигались с тех пор, как их вождь отправился на священную гору. Некоторые из них были почти такими же гигантами, как и их лидер, вышедшими из того же промышленного ада, что и он, остальные же были просто потерянными из числа тех, кто возроптал и все проклял. Каждый из них выковал свою собственную броню (и даже Каэль смастерила себе одну), вплетая в ткань своих костюмов куски промышленного мусора и колючую проволоку со священным, пусть и неуклюжим тщанием. Их банда получилась пестрой, но их связывала озлобленность – нечто более прочное, чем даже кровь.

«Мы – те, кого бросили».

– Вигиланс, – сказал им Гхарз, седлая мотоцикл. Это было гигантское угольно-черное чудовище в броне из усыпанных заклепками пластин. Возле рулевой дуги они расходились веером, образуя лобовой щит. Машина, как и её наездник, обладала благосклонностью божества, и так же имела много имен, но истинное её имя знал один только Гхарз. Этот клубок из восьми слогов намекал на скорее демоническое, чем механическое происхождение.

– Будет ли пылать пламя? – пророкотали Искупленные в унисон.

– До тех пор, пока нечему будет гореть! – завершил литанию их мессия. Его мотоцикл зарычал в ответ на поворот ключа зажигания, словно выпущенный на волю зверь. Выхлопные трубы изрыгнули брызги огня, машина ринулась в вихрь сажи, и стая последовала за ней, жажда добычи.

Стоя в галерее над Залом Перерождения, Азайя, избранный коготь Шпиля Каритас, смотрел на толпу кандидатов внизу. У большинства были изможденные, перемазанные сажей физиономии сервов Искупления – фабричных крыс, сборщиков магмы и церковных рабов. Нашлись, впрочем, и несколько лучше отмытых – скорее всего, городских чиновников или стражей. С каждым месяцем они всё чаще примыкали к культу Спиральной Зари, или в надежде исцелиться от «Черного Дыхания», или из страха перед Опаленным Кредо. Легочная гниль была давним бичом Искупления, а вот культ огнепоклонников стал ужасом новым. Их первые зверства случились меньше десятилетия назад.

«Не заблуждайся, корни Кредо уходят глубоко, – однажды предупредила избранного когтя Святая Этелька. – Он черпает силы из зла, что лежит в глубинах под шпилями, более древнего, чем сам Империиум и бесконечно более жестокого».

«И оно чувствует себя все увереннее», – подумал Азайя, изучая толпу в поисках угрозы. Последнее время налеты и акции устрашения Кредо участились, вышли за пределы отдаленных шпилей и проникли в сердце Спиральной Зари. Культ убийц готова была развязать войну.

– Ты чувствуешь опасность, брат, – прорычал голос за плечом Азайи, и тот взглянул на мускулистого аколита, подкравшегося к нему. Это было создание второй парадигмы, третья рука которого оканчивалась зубчатым костяным лезвием – редкий дар, почитаемый среди посвященных. Азайя не мог вспомнить время, когда Бхарбаз не был с ним рядом, сначала как защитник, затем как брат-по-когтю, а теперь, после его вознесения в число избранных когтей культа, в качестве помощника.

– Кредо, – произнес Бхарбаз. Это не было вопросом. Существо было способно попробовать на вкус разум своего командира, что беспокоило Азайю, ведь его мысли зачастую были горьки.

«Ты чище меня, брат», – размышлял он, выискивая опасность в море людей. Как и у всех кандидатов, выражения их лиц метались между отчаянием и надеждой, благоговеньем и страхом, подчас усиленным прикосновеньем «Черного Дыхания». Между этими крайностями лежали все людские страстишки и весь позор человеческого существования, столь презиаемого Азайей.

«Я ненавижу их, потому что понимаю их», – признался себе избранный коготь.

Подавив чувство стыда, он сосредоточился на своих обязанностях и начал искать источник беспокойства. Каждого кандидата обыскивали на входе в храм и выдавали ему простую тунику, под которой невозможно было пронести оружие, и все же инстинкты Азайи просто вопили. Что-то не складывалось...

– Священная Спираль озаряет вечность! – прогремел голос, раскатистый и дружелюбно властный. – В ее развертывающихся объятиях все мы перерождаемся, возносимся над замкнутым кругом пороков и мучений смертного бытия!

Засмотревшись на толпу, Азайя не заметил, как в залу под ним вошел Хелифос. Верховный жрец поднялся на кафедру перед серебряными воротами святилища. Широко раскинув руки, он начал церемонию посвящения. Несмотря на свой значительный возраст, Хелифос все еще мог похвастаться крепкими мускулами и гордой осанкой, ведь его здоровье хранило благословение спирали в крови. На его выбритой тонзуре также была вытатуирована извилистая спираль, отмечая его принадлежность к апостолам круга – обращенным, вознесшимся в объятиях Самого пророка. Старейшина бился подле Спирального Отца в самые первые дни и был вознагражден властью над шпилем Каритас, где происходил отбор кандидатов.

«И мне доверили его безопасность», – сощурившись, подумал Азайя.

– Наш мир раскалывается от насилия и болезней, – произнес Хелифос, – но вы уже сделали первый шаг из юдоли скорби к свету звездных божеств, среди которых Бог-Император лишь один меж многих.

Именно в тот момент Азайя нашел ассасина. Он был из числа кандидатов более высокого происхождения, но при этом тощим как трость, с иссохшим вытянутым лицом, пятнистым из-за легочной гнили. Выдали его глаза: если у всех остальных во взгляде было лишь религиозное рвение, то взор убийцы светился от ярости. Ярости и чего-то еще...

«Дикий огонь», – догадался Азайя, узнав свечение нечестивого наркотика Кредо. Черный кристалл, сформированный в пропитанном магмой аду, лежащем у самого основания шпилей, куда решались ступать лишь проклятые. При раскусывании он сгорал, вызывая приступ ярости, при этом временно увеличивая силу и скорость. Лишь самая малая доза не была смертельна, но «запальщики» Кредо с охотой платили эту цену за те мгновения божественной резни, что она даровала. Наркотик действовал быстро, а значит, лазутчик должен был разгрызть кристалл сразу же после того, как Хелифос вошел в зал. И, судя по тому, как горели глаза убийцы, кристалл был большим.

– Черная Игла бытие расплетает! – дребезжащим голосом взревел фанатик, обрывая проповедь жреца.

А затем слова стали ему недоступны. Из его рта брызнула кровь и повалил дым, а тело его задержалось,

словно марионетка, пляшущая по прихоти какого-то безумного божества. Женщина перед ним обернулась, и поток раскаленного дыма ударил ей прямо в лицо. Пока она падала на колени, ассасин с быстротой плети взмахнул руками и его ногти – длинные, закаленные до остроты кинжала – вспороли глотки стоящих по сторонам от него, окатив всех вокруг кровью. С хриплым бульканьем в горле он бросился на Хелифоса, прорубаясь через застывшую в ужасе паству.

– Запальщик! – крикнул Азайя. Выхватив костяной меч, он прыгнул в зал с галереи. Спираль молчала в его крови, поэтому в его распоряжении было лишь две руки, и не одна из них не могла похвастаться когтем, но его оружие, выращенное из выделений самого пророка, в той же мере являлось частью его тела, что и убийственная третья лапа Бхарбаза. Это был дар, призванный отметить явление третьей парадигмы, и Азайя был в ней первенцем. Они впервые убили вдвоем, когда ему исполнилось девять.

– За Спираль! – прорычал избранный коготь, чувствуя, как рукоять меча пульсирует в ладони. Приземлившись на корточки, он ринулся вперед, проталкиваясь сквозь сжавшуюся, вопящую толпу. Кандидаты утратили значение после еретического вторжения, и он небрежно раскидывал их в стороны, стремясь быстрее добраться до ассасина. Кто-то из будущих посвященных набросился на Азайю и принялся исступленно кусать его и молотить кулаками. Широко распахнутые, налитые кровью глаза и неподвижно растянутый рот складывались в гримасу, лишенную всех признаков разума. Это была та женщина, что пала под дыханием запальщика.

– Мы горим, – прохрипела она. Жирный дым вздымался от ее обожженных губ.

Избранный коготь вогнал клинок между её челюстей, но, когда стал вытаскивать оружие обратно, на него накинлись еще двое «испорченных» кандидатов: один схватил его за грудки, второй вцепился в руку, сжимавшую меч. Затем помешанные впились зубами в стеганую броню Азайи – истекая кровью и дымом, они пытались добраться до его плоти. Верующий видел подобных им среди толпы; эти создания буйствовали и бросались на товарищей, словно волки. Оправдывая свое имя, «Дикий огонь» быстро распространялся в толпе, заражая безумством через дым. Наркотик всегда был опасен, но Азия никогда не видел, чтобы инфекция передавалась столь быстро. Это было нечто новое. Нечто более темное.

Высвободив руку с мечом, он бросил одного из противников в гущу толпы и впился клыками в голову того, что схватил его. И хотя у Азайи не было когтей, его удлиненные челюсти были полны острых зубов, мгновенно прокусивших кожу и вонзившихся в кости черепа. Но его враг не замечал боли и не отступал до тех пор, пока шип на конце языка Азийи не пробил ему мозг. Вредоносная струя газа, вырвавшись из трещины, сбросила капюшон с головы Азайи и впилась ему в лицо. Запах серы и горелой плоти был нестерпимым. Избранный коготь с рыком вырвал покрывшийся волдырями язык из вражьего черепа и отшатнулся. Разбрызгивая иخور, он отгонял «порченных» широкими взмахами меча. Красная пелена застилала ему глаза. Он не мог отличить чистых от запятнанных...

«Это не важно» – осознание было таким волнительным. Радостным! Оно заглушило непрерывный психический шепот пророка, таившийся среди мыслей Азайи с самого его рождения. – «Ничто не важно!»

Сдернув глеющий капюшон, он ощутил, как «Дикий огонь» струится по жилам всплесками агонии и блаженства, побуждая убивать снова и снова, снова и снова, потому что ничто не важно и все иллюзорно. Очередной безумец бросился на него, и Азайя, зарывав, встретил его ударом меча, почти развалившим врага на две половины.

– Я перерожден! – взревел он, разрубив еще одного нападавшего таким же ударом.

«Опомнись, избранный коготь!» – прошипел Спиральный Отец в его разум. Для Азайи бормотание пророка редко складывалось в слова, поэтому фраза почти осязаемо врезалась в него, смывая гнев потоком стыда. Он понял, что Бхарбаз все это время сражался подле него: все три руки собрата металась вокруг, создавая иллюзию вихря, в которой клинок на конечности сплетался с когтями и ятаганом в смертельной гармонии. Это было идеальное воплощение Священной Спирали...

- Я среди братьев! - прошипел Азайя. Стиснув клыки, он подавил ярость и оценил ситуацию. Полный хаос. В зале были заперты больше сотни кандидатов в культ вместе с горсткой обращенных людей. Все они перемешались, вопили и избивали друг друга. По большей части прихожане скопились у выхода и стучали в массивные двери, запертые с начала церемонии. Кое-кто пытался забраться на галереи, и многие в спешке лезли по головам остальных, но невозможно было понять, гонит их страх или ярость. Хелифоса не было видно, но кафедра, у которой он стоял прежде, была пуста. Может, убежал в святилище?

«Они потеряны», - провозгласил Спиральный Отец.

- Очистить всех! - рявкнул Азайя аколитам, собравшимся на галерее, и обернулся к Бхарбазу. - Мы должны найти апостола!

Вместе они нырнули в толпу, повергая на землю каждого, кто вставал у них на пути, пока аколиты расстреливали зал с галереи.

- Спаси нас, брат! - взмолился задыхающийся человек, вцепившись в край рясы Азайи. Избранный коготь зарубил его без колебаний - в борьбе с обрушившейся на них чумой доверять можно было только спиралерожденным.

Бесформенный силуэт вырвался из толпы и, врезавшись в стену справа от Азайи, запустил кривые когти глубоко в камень. Это была изуродованная пародия на человека, с руками, вытянутыми вдвое против естественной длины, но тело при этом скрючилось и усохло, как будто перетекло в конечности. Голова твари безвольно свисала на спину и покачивалась, словно маятник на длинной и тонкой шее, сломанной или же вовсе лишенной костей. Глаза давно лопнули, челюсти разворотило, но без сомнения, это был ассасин, посеявший всеобщее безумие.

- Стена! - прокричал избранный коготь аколитам, когда тварь двуногим пауком поползла на галерею. - Следите за стеной!

Один гибрид перегнулся через перила, но не успел прицелиться - чудовище взмахнуло рукой и распороло ему горло настезь. Слепая голова монстра, свисавшая на спину, радостно завизжала, когда её окропила свежая кровь. Внезапно ускорившись, существо втянуло себя внутрь галереи. Черeda дульных вспышек озарила тени, когда защитники обратили автоганы против убийцы, но через пару секунд тот оказался уже среди них.

- Берегись, брат! - воскликнул Бхарбаз. Скулящий безумец прыгнул на Азайю, пытаясь достать его когтями обгоревших до костей рук. Уже заноса клинок, избранный коготь узнал нападавшего: Хелифос. Волосы апостола пылали, застывшее лицо напоминало посмертную маску, всю в трещинах от пылающего под ней жара.

- Я не справился, - прошипел Азайя и одним взмахом снес голову апостола с плеч. Она улетела в толпу, распространяя по пути дым, словно большая кафельница.

Повсюду в зале жертвы горения начали воспламеняться - воздействие «Дикого огня» достигло своего пика. В последние минуты перед гибелью безумцы были опаснее всего. Они не нуждались в оружии, ведь само их прикосновение несло гибель. Стоя спина к спине, два родича сдерживали врагов, пока помещение затягивало дымом.

«Храм осквернен навечно», - горько рассудил Азайя. Затем в его мире осталась лишь безжалостное уравнение парирований и выпадов, где любой просчет стал бы фатальным. Даже на расстоянии вытянутой руки, исходящий от проклятых жар был нестерпимым.

Наконец противники кончились. На зал обрушилась тишина, прерываемая лишь шипением опаленной плоти. Избранный коготь понял, что прекратилась и стрельба. Он покосился на галерею, пытаясь разглядеть что-нибудь за клубами отвратительного дыма.

- Братья? - позвал он, но не получил ответа. - Братья!

Откуда-то сверху донеслось раскаленное дыхание, переросшее в смех.

- Ассасин ещё жив, - прошипел Азайя, и Бхарбаз встал рядом с ним, направив оружие на галерею.

- Покажись! - вызвал убийцу на бой избранной коготь. - Именем Священной Спирали...

Чудовище вырвалось из галереи клубком обугленных костей и когтей. Оно двигалось быстрее, чем когда-либо мог представить себе Азайя. Длинное лицо ассасина ещё удавалось различить в бурлящем круговороте очертаний, хотя его черты и растянулось до поистине монструозных пропорций. Адское пламя вспыхнуло в глазницах порожденной варпом твари, когда оно обрушилось на воинов культа, вытянув вперед множество лап.

«Оно слепо, но видит», - осознал Азайя.

Взрывное стаккато выстрелов оборвало рев существа - болтерная очередь сбила его прямо в воздухе, разнесла туловище на куски и отбросила в дальний конец зала. Обернувшись, Азайя увидел движущийся в дыму неясный силуэт: оружие его спасителя извергало огонь, отслеживая движения «запальщика». Тварь рухнула грудой ошметков, затем попыталась подняться, сотрясаемая изнутри разрывами масс-реактивных снарядов. Ее голова взметнулась на червеподобной шее, мерно раскачиваясь в поисках своего мучителя, затем снова повернулась к Азайе. С воплем ненависти избранный коготь набросился на чудовище с высоко вздетым мечом.

- Предатель, - прохрипел убийца за мгновение до того, как Азайя рассек ему череп.

Верующего охватил новый приступ ярости, и он принялся неистово рубить останки врага, будто пытаясь изгнать ядовитое слово.

«Предатель». Почему обвинение задело его?

- Довольно, избранный коготь! - прозвучал женский голос, холодный и непреклонный.

Азиа резко развернулась, когда сказавшая это приблизилась. Она была облачена в силовую броню, под стать ее тонкой фигуре, с пластинами керамики, натертыми добела - казалось, что они излучают свет. Фиолетовый табард с вышитой на нем серебряной спиралью прикрывал нагрудник доспеха и свисал дальше, меж ног. Изящный вариант символа культа разительно отличался от грубой метки, которую носил избранный коготь и его аколиты. Лицо женщины было скрыто забралом скошенного назад шлема, но спутать ее с кем-то другим было невозможно, ведь из всего ее рода на Искуплении осталась только она.

«Но я узнал бы её среди тысяч её сестер, - подумал Азайя. - Даже среди десятков тысяч».

- Священная Спираль оберегает тебя, святая, - хрипло поприветствовал он.

- Кажется, это тебя нужно оберегать, избранный коготь, - заметила Этелька Арканто. Пока Святая-из-Каститаса убирала штурмболтер, двое аколитов из Первой парадигмы подошли и остановились возле нее. Они были весьма крупного сложения, и каждый был одарен четырьмя руками: верхняя пара, начиная от лопаток, перерастала в зазубренные клинки, нижняя же заканчивалась ладонями с длинными пальцами - выглядели они почти что изящно. Под скинутыми капюшонами открылись украшенные гребнями черепа и благородные лица с зубастыми пастями и татуировками в форме завитков. Аколиты, вооруженные громоздкими плазменными винтовками, носили бронежилеты с геральдическими знаками хозяйки. Спиральный Отец подарил ей Сияющих Когтей в благодарность за службу во время Реформации, ведь подвиг Этельки затмевал даже деяния Хелифоса.

«Хелифос...»

- Апостол Каритаса мертв, - произнес Азайя, склонив голову.

- Весьма прискорбно, - женщина потянулась к забралу шлема.

- Воздух отравлен! - предупредил верующий, но она не стала колебаться.

- Моя кровь не настолько жидкая, избранный коготь.

С шипением разгерметизации забрало откинулось вверх. Показалось лицо Этельки, бледное с глубокими морщинами, но высокие скулы и плотные губы справились с разрушительным воздействием времени на удивление хорошо. Как и Хелифос, она побывала в объятиях Спирального Отца, и Его благословение ещё

имело силу. Остановив на Азайе взгляд фиалковых глаз, женщина глубоко вдохнула сгустившийся дым. «Она же не спиралерожденная!» – избранный коготь крепче сжал рукоять меча, хотя прекрасно знал, что не сумеет поднять на нее оружие. Только не на неё.

Святая медленно выдохнула струйки дыма и улыбнулась. Эта гримаса, холодная и лукавая, всегда его беспокоила. «Песня Спирали в моей крови громче, чем в твоей», – дразнила она Азайю. Его гнев опять вскипел, к старому примешался новый.

«Предатель...»

– Как ты узнала? – прошипел верующий. Каждый член секты был связан вездесущностью Спирального Отца, но запальщик атаковал всего лишь пару минут назад. Как она могла проделать весь этот путь из Шпиля Каститас и успеть вовремя?

– Я не знала, – ответила Этелька, – но Спираль соединяет.

– Вина лежит на мне...

Женщина оборвала его резким взмахом руки, отмахиваясь и от его возражений, и от мертвого жреца разом.

– Я отправилась в Каститас не из-за этой резни.

– Не понимаю.

– Пришли темные времена, но надежда осталась. – Этелька положила руку Азайе на плечо, и тому пришлось подавить дрожь. – Наконец обнаружен божественный сосуд, способный понести нашего первого магуса.

От чудесной новости избранный коготь прикрыл глаза.

– Плетельщица варпа? Где?

– Вот тут начинаются трудности, – святая ровно взглянула на него. – Я направляюсь к Отсеченному Шпилю.

Этелька улыбнулась снова.

– И ты будешь сопровождать меня, сынок.

Зловещий ветер обрушился на Азайю, когда тот подошел к трейлеру в хвосте конвоя святой: шестиколесной стальной коробке без окон. На герметичной двери в задней части красовалась резная серебряная спираль Каститаса. Со священным трепетом избранный коготь приложил руку к символу и закрыл глаза.

– Давно не виделись, брат, – пробормотал он. Изнутри раздался низкий стон – Цикатрикс ощутил присутствие родного брата. Второй сын святой был благословенным уродом, редким и почитаемым отклонением от формы Четырех парадигм. Такие вырожденцы обладали невероятной силой, но были слишком заметными, поэтому их прятали вдаль от посторонних, в самых темных местах, до тех пор, пока их мощь не понадобится культу.

– Будет война? – спросил Азайя, когда Этелька присоединилась к нему.

– Возможно, – ответила святая, положив тонкую ладонь на стенку рядом с его трехпалой лапой. – Кредо серьезно прижало нас, и наша завеса истончилась. Без магуса, способного сплести ее заново, чужаки скоро обратятся на нас.

– Тогда мы раздавим их!

Тут же изнутри трейлера зарычал Цикатрикс, поддерживая гнев младшего брата.

– А затем Империя раздавит нас. – Этелька тряхнула головой. – Нет, пока ещё рано. Наш род еще слишком мал.

– Значит, ты проведешь нас по этой узкой тропе! – яростно произнес Азайя. – Как и всегда.

– Сын мой, я не магус, – в ее голос вплелась частичка горечи. – И я стара.

Этелька отступила от фургона и взглянула на бурлящее, затянутое сажей небо.

- Надвигается буря.

- И жестокая, - согласился Азайя, проследив за ее взглядом. Хотя у планеты было целых два солнца, на Искуплении практически не существовало разницы между ночью и днем. Бури - другое дело, именно они здесь приносили тьму и возвращали свет. - Было бы разумнее дать ей пройти.

- Кредо не станет ждать, - ответила святая.

- Они узнали о плетельщице? Но как?

- Я уже говорила тебе: сам этот мир - предатель. Они знают. - Этелька сплонула, не заботясь о приличиях. - Нам нельзя терять время.

Цикатрикс снова зарычал и начал царапаться в клетке, когда его мать зашагала к своей машине.

- Успокойся, брат, - попытался усмирить его Азайя. Но, следуя за святой, думал он только о выбранном ею слове: предатель.

Пока конвой пересекал плато, шторм набрал силу, вздымая вихри «сажевых дьяволов» и раскачивая машины, но всю полноту своей ярости он приберегал на потом.

«Выжидает», - рассудила Этелька Арканто, вглядываясь в горизонт. Вдали маячил покосившийся клык Отсеченного Шпиля, черный даже на фоне мрачного неба. Его громаду испещряли алые жилы. В отличие от остальных шпилей, Вигиланс был действующим вулканом, склонным к внезапным вспышкам жестокости.

«Это чистая злоба получившая форму, - заявила однажды давно покойная канонисса Авелин, матриарх Этельки. - Он похож на отколотый кусок варпа».

«И где бы еще в этом мире укрылась ведьма?» - подумала святая. Ее бывшие сестры управляли Искуплением на протяжении уже почти трех веков, стоя на страже Сожжённого Бога и искореняя тех, кто мог стать для демонов проводником. По странной иронии, это самое очищение стало своеобразным возмездием, постигнувшим скинувшую их секту, поскольку Спиральная Заря не могла породить своего первого магоса без чувствительной к варпу крови.

- А без магуса мы погибнем, - прошептала она.

Этелька стояла в открытом кузове боевого грузовика, ехавшего впереди колонны, и держалась за поручень на его клиновидной носовой площадке. Родство «Серебряного круга» с промышленной техникой скрывалось за элегантными белыми панелями, но шипастые колеса и комплекты циркулярных пил на проходческом щите никто скрыть не пытался. Эти лезвия были созданы преодолевать нагромождения скал под плато, а корпус машины мог выдержать выброс магмы. Добывающая промышленность Искупления была в упадке уже много столетий, но подобные грузовики строили на века, поэтому секта забрала и освятила их.

«Так же, как она забрала и освятила меня».

Последнее время Этельку вновь посещали воспоминания о темных днях, предшествующих Реформации, и с ними вернулось чувство вины. Первые годы после перерождения оно было неизменным спутником женщины, щедрым на угрозы о неизбежном проклятии. Впрочем, со временем и с помощью пророка, святая нашла умиротворение. Она не предала сестер, но освободила их.

- Я дала им покой! - бросила Этелька ветру, но слова ее прозвучали пусто, неуверенно. Так звучало теперь и псионическое бормотание пророка, слабевшее по мере того, как конвой подъезжал к ущелью.

«Опалённый Бог здесь особенно силен», - мрачно решила святая.

- Вижу мост, «Серебряный круг», - раздался голос из вокс-бусины ее шлема.

- Принято, - ответила она и прищурилась, выискивая задние огни мотоциклов в авангарде конвоя. Разведчики были всего в двадцати метрах, но почти терялись в бурлящей впереди темени. Этелька переключилась на командную частоту. - Приготовьтесь пересечь мост, - сообщила она конвою. - Медленно, постепенно и внимательно.

«Здесь мы уязвимее всего».

Почуввав беспокойство хозяйки, Сияющие Когти по сторонам от нее включили плазменные винтовки. Оглянувшись вокруг, она увидела, как завращалась открытая стабберная турель грузовика, из-за которой выглядывали плечи и голова стрелка. Другой боец взял на себя управление сервосистемой машины, массивной многосоставной лапой с установленным на ней тяжелым лазером и прожектором. Оба стрелка были неопитами Третьей парадигмы. Как и у Азия, их затронутое Спиралью происхождение было заглушено. И хотя безволосая кожа верующих сохранила фиолетовый оттенок, их лобовые гребни сгладились, а рук осталось лишь две, обе вполне обычные. Как и все существа их поколения, они были совсем юны, но лучше управлялись с машинами, чем старшие братья, и, казалось, более походили на людей.

«Но их спокойствие безупречно», – отметила Этелька, размышляя о тьме, угнездившейся в Азайе. Её тьме.

Приблизившись к мосту, конвой замедлился и еле полз. По бокам мощеного булыжником въезда располагались громадные базальтовые пилоны, каждый из которых охранялся каменным великаном. Разрушенные фигуры были слишком абстрактными, поэтому не удавалось понять, кого они изображают, но их батальные позы не оставляли сомнений: кем бы ни были герои, они восхваляли войну. Кроме того, сами пилоны имели форму перевернутых мечей. В рукоять каждой пары были продеты стальные тросы, соединявшие их со следующими столпами. Другая сторона моста, на отдалении примерно в две тысячи метров, скрывалась в дыму и тьме.

– Это дорога воинов, – сказал Азайя Бхарбазу, – и шпиль воинов.

Помощник ничего не ответил, но уже выискивал опасность, когда их машина загромыкала по каменному въезду, таща за собой фургон с Цикатриком. Они двигались в хвосте колонны, и их грузовик был последним из трех. Четыре легкобронированных багги «Коготь» прикрывали тяжелые машины, как и разведывательные мотоциклы впереди. В общей сложности, экспедиция насчитывала почти шестьдесят братьев.

– Однажды настанет день, когда мы выйдем на войну тысячами, брат! – прорычал Азайя.

Мост был достаточно широк, чтобы по нему борт к борту прошли все грузовики, но братия предпочла не рисковать. Вигиланс забросили столетия назад, и переправа сильно деформировалась, накренившись под острым углом влево, где боковая стенка обрушилась в пропасть. Стальной каркас большинства пилонов выступил из-под осыпавшейся каменной облицовки, но на самой дороге завалов не было.

– Все, что упадет здесь, рухнет в бездну, – сказал Азия, вглядываясь в красное марево над пропастью. Оно обещало судьбу намного худшую, чем смерть в огне.

Как и боялась Этелька, буря нанесла удар, когда конвой не добрался и до середины моста. Завывающий боковой ветер обрушился на кузов «Серебряного круга» и видимость упала до нескольких метров, заставив водителей сбросить скорость почти до нуля.

– «Круговой-один», повтори! – Прошипела святая в вокс-бусину, но вновь получила в ответ лишь мешанину помех, которая могла быть голосом. Буря издевалась над устройствами связи, и разведчиков не было видно уже несколько минут. «Отпустила их слишком далеко вперед», – отчитала себя Этелька.

– Вижу их! – Крикнул сквозь шквал неопит у прожектора.

Женщина наклонилась вперед, следя глазами за лучом. Два огня приближались, но она не могла различить силуэты за ними.

– «Круговой-один?» – воксировала она. – Назовитесь!

Тени сгустились в небольшие мотоциклы, а затем... третий огонь зажегся у них за спиной. Следом – четвертый...

– Я сдеру кающуюся плоть с костей самообмана, – проскрипел из вокса Этельки голос, настолько

пронзительный и свободный от помех, будто говоривший стоял у нее за спиной. – Ибо ложь уничтожает самое себя.

– Кредо! – прокричала святая на командной частоте. – Сжечь еретиков!

Как и всегда, Сияющие Когти мгновенно исполнили её повеление: их орудия изрыгнули перегретую плазму еще до того, как приказ слетел с губ Этельки. Сдвоенный залп перечеркнул идущий впереди мотоцикл и тот взорвался шаром огня, кувыркаясь прочь и оставляя за собой потеки расплавленного металла. Взревев движками, другие машины рванули вперед, яростно маневрируя при сближении, будто бы окружающая тьма им ничем не мешала. Их силуэты осветились дульными вспышками – культисты окатили «Серебряный круг» дождем из свинца.

В основном залп пришелся на лобовую броню грузовика, но досталось и кузову. Бхезай пригнулся, когда прожектор разлетелся осколками, засыпая его стеклом. Случайная пуля угодила внутрь турели стаббера: прожужжав мимо головы стрелка, она срикошетила верующему в затылок. Тот рухнул на пульт управления и орудия дернулись вверх, выплевывая снаряды в небо.

– «Когти Круга», в авангард! – воксировала Этелька на багги. – Всем машинам, полный вперед!

– Но буря... – возразил водитель из кабины под ней.

– Доверься Спирали! – огрызнулась Этелька, выхватывая штурмболтер. – Мы должны убраться с этого моста!

Когда Серебряный Круг рванулся вперед, она открыла ответный огонь, выпрямив спину и приняв широкую стойку. Пули свистели рядом, несколько даже оцарапали ее броню, но не смогли пробить керамику. Женщина не обращала на них внимания, смакуя начавшееся сражение.

«Я – освободитель!»

Её телохранители укрывались за бронелистами «Серебряного круга», стреляя поочередно, чтобы дать плазменным винтовкам остыть. За ее спиной Бхезай орудовал серворукой и посылал во тьму толстые лазерные лучи, охотясь за всадниками. Последовала яркая вспышка: один из выстрелов отыскал цель, буквально испепелив мотоцикл вместе с наездником.

– Говорит Азайя, – раздалось в воксе Этельки. – Сзади их еще больше, святая!

Женщина проигнорировала новость. Содрогаясь из-за отдачи, она непрерывно палила вслед мотоциклу, пока на том не расколосся фонарь. Затем что-то взорвалось. Извергая огонь, мотоцикл кувыркнулся вперед и перебросил облаченного в броню седока через руль. Тот, ударившись о передний бампер «Серебряного круга», соскользнул под рычащий проходческий щит. Этелька ощутила всплеск грубого наслаждения, когда кровь брызнула на её белую броню.

– Я спасла тебя, – выдохнула женщина.

– Они ждали нас! – прошипел Азайя. – Как Кредо узна...

– Я вижу тебя, Сестра, – прервал его другой голос, когда крупный мотоцикл пронесся мимо «Серебряного Круга», словно размытое пятно черного железа и дыма. – Я вижу, чем ты стала.

– ...ловушка! – вновь донесся голос сына.

Где-то позади Этельки раздался визг терзаемого металла, и на том месте, где секунду назад был мотоцикл, перевернулся багги – его искореженный корпус был охвачен огнем. Обломки машины вынесло на дорогу перед «Серебряным кругом», и зубья пил распотрошили их. Святая пригнулась под шквалом горящих частиц металла, что усыпали кузов, вонзаясь в корпус, будто силовые кинжалы. Крупный фрагмент разрубил поперек груди аколита, высунувшегося из кабины грузовика. Ноги воина упали назад в кабину, а верхнюю половину унесло прочь в вихре разматывающихся кишков. Другой кусок железа врезался в лицо Бхезаю, пришивив того к металлической стойке.

– Их ведет злоба Опалённого Бога! – в ярости крикнула Этелька. Низко пригнувшись, она вцепилась в поручень, чтобы не вылететь из грузовика, который резко подпрыгнул на остове багги. Женщина выругалась, заметив, что Сияющий Коготь справа от нее мертв: верхняя часть черепа охранника была

аккуратно срублена.

- Берегись, дочь моя! - неожиданно четко услышала она Спирального Отца.

Вскинув глаза, Этелька увидела, что на нее надвигается плосконосый колосс. Это был гигантский тягач с громадными вздутыми шинами, вдвое больше тех, что стояли на «Серебряном круге». На опалённой кабине виднелось клеймо Кредо, растопыренная ладонь. Открытый грузовой отсек позади кабины заполняли металлические бочки...

- Всё сгорит, - прохрипел ее вокс.

- Я... - начала Этелька. Затем выживший телохранитель обхватил ее и скинул с грузовика. Они упали на землю за считанные секунды до того, как машины столкнулись.

Грохот взрыва перекрыл рёв бури, и колонна огня вздыбилась на пути Азайи. Избранный коготь вцепился в ограждение - грузовик резко взял вправо, виляя трейлером Цикатрикса и высекая искры ударами бортов о стенку моста. Машина впереди свернула, чтобы не попасть в разверзшийся на переправе ад, но было уже слишком поздно.

Сородичи выпрыгнули из кузова грузовика, который вспахал клубок из покорёженного металла и горящего прометия. Рясы братьев тут же воспламенились, и они слепо заковыляли в стороны, упрямо отказываясь умирать, пока пара еретиков на мотоциклах не изрубила их, пронесшись мимо. Разогнавшийся багги метнулся влево, но его колеса загорелись, коснувшись пылающей лужи, и машина вышла из-под контроля. Взвизгнув тормозами, она врезалась в проезжающий мотоцикл, сцепилась с ним и, кружась, рухнула в пропасть, увлекая за собой неприятеля.

- «Серебряный Круг»! - рявкнул Азайя в вокс, заранее зная, что не получит ответа. Командный грузовик ещё виднелся среди пожарища, но его изящная передняя часть быстро плавилась. Когда машина избранного когтя поравнялась с эпицентром взрыва, второй люк в кабине грузовика открылся и из него выбрался аколит, немедленно сгоревший в неистовом жаре.

- Предательство честно! - прошипел вокс, каким-то образом притягивая взгляд Азайи к громоздкому объекту на другой стороне пылающего ада. Хотя тот и не двигался, его контуры размывались в раскаленном мареве, и видение походило то на угловатый мотоцикл, то на рогатую железную тварь. Гигант, что восседал на металлической химере, не менялся, оставаясь едва различимой тенью, но избранный коготь чувствовал, что незнакомец наблюдает за ним.

- Сожги оковы лжи, друг, - сказала ему тень.

- Берегись! - крикнул Бхарбаз одновременно с тем, как шальная пуля оцарапала Азайе голову. Обернувшись, избранный коготь увидел еще один мотоцикл, летящий навстречу грузовику. Его наездница выпрямилась в седле, держа в каждой руке по пистолету. Длинные волосы развевались за спиной женщины, которая обрушивалась на верующих пулевой град. Она была легкой мишенью, но ответные очереди с грузовика пролетали мимо, огибали ее, будто сам ветер сбивал наводку стаббера.

«Сам этот мир - предатель», - вспомнил Азайя слова матери.

Еретичка прыгнула за миг до того, как мотоцикл врезался в грузовик и взорвался. Ударная волна швырнула её в небо, словно ядро из пушки. Женщина приземлилась в задней части кузова на согнутые ноги, с объятый пламенем спиной. Когда братия Спирали кинулась на неё, еретичка, кружась на месте, открыла беглый огонь и затянула псалом гортанным легато.

«Она тоже великанша», - понял избранный коготь, когда мотоциклистка выпрямилась в полный рост. Неплотно скрепленные фрагменты брони расходились в стороны над её вздутыми мышцами. Голову женщины защищала стальная коробка, усеянная заклепками, с прорезью, из которой смотрели налитые кровью глаза. То, что он поначалу принял за волосы, оказалось мотками колючей проволоки с вплетенными в них талисманами из обсидиана.

- Неверная! - взревел Бхарбаз, пролетев мимо Азайи и не обращая внимания на попадающие ему в грудь

пули. Костяная коса аколита рванулась вперед и отсекала правую руку берсеркера, а другая когтистая лапа схватила ее за запястье левой. Они были одинаково сильны, но у женщины было только две руки. Она зарычала, когда ее враг вогнал ей в грудь ятаган своей третьей. Его клинок легко прошел сквозь сбитую из лоскутов кирасу. Азайя увидел, как ее глаза расширились в экстазе, их зрачки полыхнули, а из-под шлема повалил дым.

- «Дикий огонь!» - завопил он, но опоздал. Забрало неверной взорвалось, и она выплюнула поток огня - исходящий, казалось, из самой ее души, - прямо в лицо Бхарбаза. С черепа аколита потекла плоть.

- Избранный коготь! - Прошипел вокс, словно откуда-то издалека. - Азайя...

Труп Бхарбаса рухнул на спину, обугленный череп сорвался с шеи в момент удара о пол кузова. В следующий миг тело мотоциклистки рассыпалось углями под тяжестью собственного доспеха. Сквозь красную пелену Азайя услышал, как в клетке беснуется Цикатрикс, а затем до него снова донесся вокс-призыв, настойчивый и полный боли.

- Помоги мне, сынок.

Достигнув дальней стороны моста, Гхарз сбросил скорость, развернул мотоцикл и остановился. Машина взревела, объята жадой продолжить резню, но он усмирил ее хлестким щелчком презрения.

- Успокойся.

Обратив на мост пустые глазницы, Гхарз оглядел внутренним взором запятнанных Спиралью дегенератов. Они собирали жалкие остатки отряда вокруг последнего уцелевшего грузовика - восстанавливали порядок и с нечеловеческим упорством готовились отразить следующую атаку. В них не было страха - вообще никаких эмоций, за исключением смердящих мук павшей Сестры и ее отродья. Кое-кто мог увидеть иронию в том, что столь бездушных созданий возглавляют такие пропащие души, но Гхарз был слеп к подобному, как был он слеп и к радостному возбуждению товарищей-Искупленных.

Всадники, подъезжая ближе к вождю, просто светились от упоения битвой - но и обидой на приказ отступить. Выжили только семеро, но он не жалел о потерях, даже о гибели Каэли, которая помогала Гхарзу мстить с самого пробуждения и любила его задолго до этого. Как и остальные, она приняла смерть с наслаждением, которого он не мог разделить. Единственным, что осталось в нем, была ненависть, настолько всеобъемлющая, что она затмевала все остальное.

«Ты должен проснуться холодным пеплом, - повелел когда-то одноглазый вестник его божества, - очищенным от заразы Спирали, отрешённым от тщетности и иллюзий собственного бытия».

«Но я хочу помнить, - воспротивился Гхарз, глядя на испепеляющий источник, к которому привел его древний. Он чувствовал, как ксеноотрава Спиральной Зари распространяется по телу, распуская его сплетение с каждым ударом сердца, но все же колебался. - Я хочу помнить, что они сотворили со мной... со всеми нами».

«Ты не забудешь. Уж точно не это, - пообещал проводник, - но твоей ненависти следует уподобиться льду. И из этого льда ты призовешь испепеляющий поток огня, не ведающего преград».

Первое прикосновение обещанного огня вычистило из Гхарза порчу, как чужую, так и человеческую. Мучение было неопишимо, но он принимал его со всей страстью, до тех пор, пока страсть тоже не выжгли прочь.

«Не все погибели одинаковы». - Выйдя из пламени, сгоревший человек не успел понять, кто произнес эти слова: его бог, проводник или же он сам. Потом он осознал, что вопрос лишен смысла.

Гхарз развернул мотоцикл навстречу Отсеченному Шпилю. Этот задумчивый, непокорный пик не видел разницы между последователями Кредо и Спиралерожденными. К обоим он относился с равным презрением.

- Устрой нам ад, друг, - сказал ему Гхарз, заводя мотоцикл.

Потрепанный конвой протащился через мост ползком. Два уцелевших багги в плотном строю следовали по бокам грузовика Азайи. Никто больше не встретился им ни на переправе, ни на другой стороне теснины.

- Почему они прекратили атаку? - спросил избранный коготь у Бхарбаза, щурясь на терзаемый бурей хребет впереди. - Мы были у них в руках.

Опаленный череп у его ног не удостоил Азайю ответом, как и выживший Сияющий Коготь, Хезракх, что занял место убитого помощника. Одну из рук создания оторвало взрывом, как и половину лица, но братья из Первой Парадигмы были почти так же живучи, как и Чистокровные дети звёзд, зачавшие их.

«Из них отличные воины, но плохие советники, Бхарбаз», - грустно подумал Азайя. Он отбросил эмоцию, стыдясь своей слабости. Брат-по-когтю умер во имя Священной Спирали. Остальное не имело значения.

- Мы нужны еретикам живыми, - предположил он вслух. - Ослабленными, но живыми.

Это был единственный разумный вариант. Неужели враг насмехался над ними?

Затем мысли Азайи спутались: воля Спирального Отца излилась на него, направляя в сторону гор. Дорога к плетельнице варпа развернулась перед глазами, а развалины святилища вспыхнули, словно маяк, усиливая необходимость снова двигаться дальше, следовать...

«Наш враг не знает пути, - с неожиданной убежденностью осознал избранный коготь. Дрожа от усилия, он освободился от воли пророка. - Нет».

Хезракх зарычал и указал когтем в направлении пика.

- Мы идём, - хором произнесли два неопита-стрелка позади Азайи.

- Нет! - повторил избранный коготь, говоря в полный голос, чтобы противостоять псионической волне. - Враг пощадил нас, чтобы мы привели его к плетельнице варпа. - Голова Азайи начала раскалываться от боли, как только он стал возражать. - Они не знают пути.

Давление на череп уменьшилось. Избранный коготь ощутил, как пророк изучает эту вероятность.

- Буря укрывает их, словно плащ, - настаивал Азайя. - Прячет, но не ослепляет их. Нужно дождаться её окончания.

Хезракх глядел на него хищными, пустыми глазами, словно его разум находился где-то в другом месте. Избранный коготь знал, что сейчас у каждого создания в конвое подобное выражение лица. Такое же носил бы и Бхарбаз.

«Добровольные рабы!» - Промелькнула мысль, полная отвращения. Она была почти еретической. Затем волна одобрения захлестнула разум Азайи.

- Веди их, как считаешь нужным, избранный коготь, - выдохнул Спиральный Отец, когда она отступила. Присутствие пророка исчезло, но Его благословение осталось.

«Так вот почему ты хотела, чтобы я сопровождал тебя, мама, - подумал Азайя. - Мы с тобой тоже служим Спирали, но не как рабы».

- Оставайтесь настороже, братья, - приказал он на командной частоте. - Продолжим путь, когда буря стихнет.

Успокоенный тем, что непосредственной опасности нет, избранный коготь взобрался в кабину, где лежала святая. Хезракх прикрыл её от взрыва собственным телом, но длинный осколок металла прошёл насквозь его спину, приколотив обоих к земле. Сам телохранитель освободился, но удалять обломок из раны Этельки было слишком опасно, к тому же их лекарь погиб в сражении. Зазубренный осколок торчал из её живота, будто застывшая молния, а броня вокруг него треснула и почернела. Казалось, что по керамиту расплзается гангрена.

- Святая, - шепотом позвал Азайя, садясь рядом с ней. - Мама?

Глаза Этельки были широко открыты, но зрачки сузились до крохотных точек - такой её нашёл избранный коготь.

«Помоги мне, сынок».

Должно быть, она передала это сообщение за миг до того, как провалилась в забвенье.

- Тебя исцелят, - пообещал Азайя, проведя рукой над ее челом. - Спираль соединяет.

Святая тащила свое израненное тело по каменной гладкой поверхности. Пропитанный серой воздух дрожал с громоханием, обещая огонь, но тьма оставалась настолько плотной, что отрицала само существование света.

- У тебя нет ни света, ни глаз, чтобы увидеть его, - произнес кто-то, будто вторя мыслям Этельки. - Ты ослепила себя ложью. Только безумный будет мечтать о таком богохульстве. Только глупец прислушается к её бреду. - А затем слова хлестнули, словно плеть. - И только еретик станет ради него убивать.

- Ты давно мертва, - прошипела Этелька, узнав голос бывшей наставницы. - Убирайся к своему богу-группу, Авелин!

- Я всегда с Ним, - ответила Ветала Авелин, канонисса Терния Вечного. - Те, кто служат с верою в сердце, не знают конца служению. А чему служишь ты, сестра?

- Ты мне не сестра.

- Мы всегда были сестрами, еретичка. - Спокойно произнесла Авелин. - Почему ты предала нас?

- Вы сами себя предали, - прорычала Этелька, вспоминая все былые обряды, посты и бичевания, постоянные бессмысленные проповеди и церемонии, но, горше всех жгучих воспоминаний - мучения, что её орден принес тем, кого должен был защищать. - Мы служили лжи!

Когда буря, наконец, утихла, солнца-близнецы Искупления уже взошли. Омывая горы потоками бледно-желтого и фиолетового света, они хмуро глядели с ободранного ветром неба на братию, что начала подъем к цели. Как и все Шпили, Вигиланс опоясывала мощеная дорога, взбирающаяся серпантинном на вершину. Но вскоре путь сузился, и экспедиции пришлось оставить грузовики на нижних витках.

Азайя оставил их на попечение стрелков-неофитов, но больше охранников выделить не мог. За исключением Сияющего Когтя, все одиннадцать выживших были аколитами Второй парадигмы, имеющими при себе автоганы, ятаганы и дары собственной крови.

- Этого хватит, - прошептал он. - Этого должно хватить.

Пока подчинённые собирали припасы, Азайя подошел к трейлеру кровного брата и, положив руку на дверь, прошептал распоряжения. Убедившись, что Цикатрикс все понял, он открыл дверь и принялся ждать, но благословенный урод не шелохнулся во тьме.

- Твое время скоро придет, брат мой, - пообещал избранный коготь.

Когда Азайя вернулся к остальным, Хезракх поднял Этельку, прижав её безвольное тело к груди. Состояние женщины не изменилось, но избранный коготь не позволил оставить ее. Он сомневался, что неофиты сумеют дать отпор еретикам, если те нападут на машины.

«Но они не нападут. Они последуют за нами».

Азайя оценил лежащую впереди дорогу. Даже за время их короткого подъема она уже породила несколько побочных троп, каждая из которых, без сомнения, будет ветвиться дальше, связывая разбросанные по шпилью храмы и монументы. Как и все шпили, за исключением аскетичной колонны Хумилитаса, Вигиланс был лабиринтом, способным поглотить неосторожного путешественника.

Азия закрыл глаза и представил путь, открытый ему Спиральным Отцом.

Тьма была бесконечной, но не неизменной. Ползком пробираясь вперед, Этелька Арканто ощутила глухие удары, настолько слабые, что воспринимались они скорее как дрожь, нежели звук. Но, даже

отдаленные, они всё равно ужасали, словно сердцебиение дремлющего левиафана. Чем бы это ни было, женщина не хотела иметь с ним дела. Она повернула вправо, наугад.

- Жертвенность - единственный путь через лабиринт терний, - заметила канонисса Авелин. - Все остальные ведут к проклятью. Ты понимаешь это, сестра. Всегда понимала.

- Это ложь, - прошипела Этелька, прекрасно зная, что это правда.

- Без жертвы невозможно спасение, - провозгласила Авелин. - Ты неспособна верить в иное. Даже погрязнув в кощунстве, ты остаешься Адепта Сороритас.

- Спиральная Заря освободила меня!

- Ты впустила её порчу в свою душу и тело. Зачем?

Этелька взмолилась Спиральному Отцу, но даже тихие отголоски его воли давно исчезли.

- Почему ты предала нас, сестра?

Как и повелел родной брат, Цикатрикс дождался, пока лиловое солнце закатится за гору, и только тогда покинул клетку. Избегая дороги, он прокрался по склону горы, двигаясь с жутким изяществом, поразительным для создания таких размеров. Жидкокровные сородичи, охранявшие грузовик, даже не обернулись в его сторону, когда урод полез по скалам: коса, затем коготь, снова коса...

Добравшись до уступа вверху, Цикатрикс пригнулся и попробовал воздух длинным языком. Ничего. Ничего и на следующем... Но, подбираясь к третьему, вырожденец почувствовал доносившийся сверху запах серы и плоти. Он замер, прижимаясь к отвесному утесу, пока отряд чужаков проходил мимо. Враги двигались тихо, но их смрад казался Цикатриксу воплем.

Вот его добыча. Он не подведет брата.

Вещунья замерла, свернувшись клубком у себя в убежище, когда посторонние переступили границу ее владений. Они прокрались через ворота святилища, как будто надеялись спрятаться от нее. Большинство из них напоминали тех зверей в капюшонах, что приходили раньше - с холодными, преисполненными спокойствия душами. Но их лидер был совершенно другим, его безмятежность пронизывали трещины, в которые мог рухнуть он сам.

Когда чужаки продвинулись глубже в туннели, Вещунья поняла, что среди них есть и ещё одна - женщина, мысли которой укутаны тьмой. Когда госпожа потерянных попыталась взглянуть, что кроется за этой завесой, та вздыбилась, желая поглотить её, расширяясь в такт собственному бешеному пульсу. Вещунья вырвалась, но её сердце забило в унисон с этим страшным ритмом.

«Чёрные Корабли! Неужели они явились за мной?»

Учув волну хозяйки, потерянные, что сбились вокруг нее, заскулили и принялись носиться по залу, иногда даже оступаясь и падая в ямы с лавой.

- Страх можно приручить, друг, - сказал вдруг кто-то. - Можно подчинить его себе.

Быстро окинув подопечных взглядом, Вещунья не нашла среди них чужаков. В ее убежище еще не проникли. Усилив воли она вновь направила сознание на самую границу своих владений. Пока ее внимание было направлено на ту темную женщину, еще одна группа чужих подошла к воротам святилища. Их было восемь, и они следовали за тварями. Семеро, пылавшие факелами страстей, изголодались по насилию, но восьмой... За огнём вожака скрывался лёд, бесконечно более холодный, чем у его добычи.

- Ужас - левая рука ярости, - сказал восьмой. Казалось, что его закрытые очками глаза глядят прямо на Вещунью. - Его можно испытать, но можно и напустить.

Стоя в воротах святилища, куда они проследовали за дегенератами, Гхарз почувствовал, как бестелесное внимание ведьмы коснулось его, ошестившись удивлением и угрозой.

- Искупление - ложь, друг мой, - сказал ей исцеленный, - но тебе не обязательно слушать. - Он поднял руки, протягивая к ней дымящиеся ладони. - Я могу показать...

За его спиной раздался зычный рев. Большинство людей тут же машинально бы обернулись, но чем бы Гхарз теперь ни был, он больше ни имел ничего общего с человеком. Он рухнул вперед и когти, готовые обезглавить его, пронеслись через пустоту. Приземлившись на расставленные ладони, вождь перекатился в сторону, и громадная трехпалая ступня врезалась в пол там, где он был мгновение назад. Затем Искупленные окружили нападавшего и набросились на него с кинжалами и пистолетами, визжа от восторга.

«Спиралерожденные расставили западню, - рассудил Гхарз, плавно вставая на ноги. - Мы охотились, но охотились и на нас».

Выхватив секиру, он оценил тварь, что выбралась из-за уступа, противоположного святилищу. Без сомнений, она принадлежала к числу этих ксенодегенератов, но не походила на чужаков, которых вождь видел раньше. Даже сгорбленное, существо возвышалось над воинами Гхарза, а его покрытое хитином тело бугрилось от уродливых мускулов. Лицо, проступавшее на костяном шаре черепа, было насмешкой над человеческим. Глубоко посаженные глаза косили по сторонам, под ними зияла усыпанная зубами слюнявая пасть. Мерзкие брызги летели по сторонам, когда чудовище размахивало тремя руками. Правая заканчивалась трехпалой когтистой лапой, а пара конечностей слева перерастала в кривые косы. И гигант был быстрым, он наносил удары и рассекал тела в бешенстве, затмевающим ярость Искупленных. Один боец уже был повержен, тут же когти твари зацепили другого, и его голова оказалась в тисках чудовищных челюстей. Ноги жертвы болтались в воздухе, пока монстр вгрызался в её шлем.

- Смотри и учись, - сказал Гхарз невидимой ведьме, но в тот же миг услышал шаги за спиной. Широко взмахнув секирой, он обезглавил трехрукого убийцу, что выполз из храма. Пока вождь оборачивался к воротам, еще больше укрытых капюшонами ксеносов высыпало наружу, выкрикивая свои ядовитые мантры и поливая все пулями.

«Ждали внутри, чтобы захлопнуть ловушку», - осознал Гхарз, готовясь встретить их. Исцеленный не обращал внимания на пули, раздиравшие его защитный костюм. Большинство зарядов расплющились о его укрепленную кожу, остальные же беспомощно застряли в костях и плоти. В нем не осталось ничего, что можно было ранить подобным оружием.

«Воздам им должное позже».

Двигаясь в неестественной тишине, Гхарз вращал секирой в правой руке, левой же чертил в воздухе дымящиеся символы. Обсидиановое лезвие раскалывало выставленные навстречу ему ятаганы и когти, а затем одним взмахом и с равной лёгкостью разрубало плоть, металл и хитин.

- Огонь, иди во мне! - прохрипел он. Восприятие Гхарза на секунду расплылось, когда его внутренний взор охватил всё вокруг на 360 градусов, а а затем заострилось снова, когда мир вокруг него пал перед его распаленным варпом метаболизмом.

Враги, замедлившиеся относительно него, словно бы ползли. Гхарз вытянул свободную руку и коснулся головы одного из них.

- Гори, - сказал он.

Капюшон существа загорелся, и пальцы вождя прочертили оплавленные борозды на его черепе. В тот же миг секира Гхарза рухнула вниз, разрубая и голову, и тело очередного дегенерата. Прижженные половинки мягко упали на землю, при этом разделенные глаза существа удивленно моргнули.

- Во имя Спирали! - растянута и глухо взревел один из ксеносов. Это был их двурукий вождь - тот, которого Гхарз не имел права убивать. Так повелел его бог.

- Мы все здесь еретики, друг, - сказал вождь, отражая замедленный выпад существа и отбрасывая его в сторону. К удивлению Гхарза, костяной меч не сломался от удара о секиру.

«Это живое оружие», – почувствовал он.

Он услышал нарастающий гул, когда тварь с обгоревшим лицом выступила из храма. Дуло её винтовки, наведённой на Гхарза, охватило сияние. Затем из вентиляционных отверстий лениво повалил дым, и оружие выплюнуло комок плазмы. Заряд понесся к нему, словно сгусток жидкого света – медленно, но все же слишком быстро, чтобы успеть увернуться.

– Правда опалает холодом, – сказал Гхарз Вещунье за секунду до того, как миниатюрное солнце поцеловало его прямо в грудь.

– Ты лжешь! – Прокричала Этелька во тьму. – Я освободила себя!

Стук, поначалу едва заметный, теперь оглушал её. Женщина вновь свернула, затем ещё раз, стремясь уползти куда угодно, лишь бы отсюда... или оттуда... или не сюда... где бы ни лежало это всепожирающее сердце, но каждое движение только приближало Этельку к нему. Она хотела замереть, но обнаружила, что конечности больше не подчиняются ей.

– Каждый из нас – горн, в котором мы выковываем собственную судьбу, – сказала канонисса Авелин. Она говорила тихо, но ее голос легко перекрывал окружающую какофонию. – Нельзя сбежать от себя.

И, в последний миг перед тем, как соскользнуть в небытие, Этелька Арканто поняла, что канонисса не лжет – и также поняла, что пошла против своих сестер не ради надежды и не из ненависти.

– Почему ты предала нас, сестра? – настаивала Авелин.

– Потому что могла и сейчас могу! – злобно крикнула Этелька, а затем рухнула, вопящая, и тень Искупления ринулась заполнить пустоту в ее теле, неся с собой не избавление, но проклятье.

Хоть это было и невозможно, Опалённый Человек остался на ногах. Заряд плазмы пронзил его грудь и вырвался из спины, оставив за собой дымящуюся дыру там, где должна была быть большая часть его грудной клетки. Края дыры все еще светились, озаряя оставшийся нетронутым позвоночник. Азайе показалось, что эта кривая колонна высечена из черного хрустала. Все остальное, включая сердце и легкие, обратилось в пепел, но враг стоял неподвижно, крепко сжимая секиру.

«Почему он не умирает?» – оторопело подумал верующий.

Еретик повернул к нему скрытое под очками лицо, не обращая внимания на выживших аколитов и торжествующего, залитого кровью Цикатрикса.

– Предатель, – прохрипел Опалённый Человек, словно давая обещание. Затем его взгляд упал на ворота храма, где стоял сияющий Коготь с дымящимся плазмометом. Звериным чутьем Азайя ощутил, что враг смотрит сквозь Хезракха, в туннель за его спиной.

– Прими свою правду, сестра, – сказал еретик кому-то невидимому. Внезапно алые трещины прорезали его черную кожу, распространяясь быстро, словно какая-то тектоническая чума, поразившая плоть. Обгорелый позвоночник с хрустом разлетелся на части, туловище сложилось внутрь самого себя. Топор выпал из пальцев Опалённого Человека, затем он повалился вперед и, ударившись о землю, разлетелся облаком праха. словно его и в самом деле вылепили из пепла.

С нижних витков серпантина донеслось эхо грубого машинного рёва, за которым последовал рокот набирающего обороты двигателя. Азайя застыл, вспомнив адский мотоцикл, на котором Опалённый Человек сидел у моста. Он представил, как машина нарезает круги у подножия горы, словно железный хищник, разъяренный смертью хозяина. Было ли сумасшествием воображать подобное?

«Нет, избранный коготь, это не сумасшествие, – шепнул в его сознании спиральный Отец. – Безумства порченных варпом не знают границ».

Будто бы подчеркивая слова пророка, из глубин храма раздался крик – вопль, полный отчаяния.

– Святая! – прошипел Азайя. Братия оставила Этельку у входа, под присмотром одного из аколитов. –

Сияющий Коготь, скорее!

Хезракх еще только подходил к воротам, когда вопль обратился в вой, и из темноты вырвалось чудовище. Оно набросилось на Хезракха в вихре покрытых шипами когтей и разорвало воина на куски еще до того, как они упали на землю. Нескладный, наполненный алым силуэт дергался и мерцал, пылая неистовым внутренним пламенем. Он перемещался резкими рывками, за которыми не успевали глаза – буквально проскальзывая между мгновений – и продолжал терзать Хезракха. И, хотя из-за быстроты движений монстр казался размытым пятном, Азайя разглядел вытянутый череп, обрамленный изогнутыми рогами, которые вздымались над согнутой шипастой спиной. Враг выглядел, как извращение праведных Парадигм Формы.

– Демон, – прошептал Азайя, вспомнив предупреждения святой о Тьме-под-Шпилями. Искупление было усеяно вратами для этих варпом рожденных крыс. Голова чудовища дернулась в ответ на его слова, хотя его язык остался глубоко погруженным в грудь Хезракха. Внутренности выскользнули из обрамленной иглами пасти, когда оно смерило его своими глазами, черными словно уголь.

«Оно знает меня», – Азайя подавился стоном, заметив кусочек брони, прицепившийся к шкуре зверя. Тот был безупречно белым.

С воплем ярости демон ринулся на него, прыгнув на выгнутых назад ногах, словно огромная саранча. Когда монстр взмыл над Азайей, верующий заметил, что осколок металла все ещё держится на его животе. Её животе.

– Нет! – Зарычал избранный коготь, вскидывая клинок. Но Цикатрикс отбросил его в сторону, пронесшись мимо с ответным воплем. Костяные косы его брата взметнулись навстречу алому мареву, но демон снова прыгнул, оставаясь в воздухе – будто танцуя между двух разных миров, – пронесся мимо вздетых когтей и приземлился на плечи гиганта. Вырожденец взревел и яростно затопал, когда дух варпа вцепился в его голову и начал грызть, крепко впившись в спину Цикатрикса шипастыми ступнями.

– Назад! – Крикнул Азайя выжившим аколитам, когда одного из них задело взмахом косы. Он почти чувствовал досаду брата – костяные клинки Цикатрикса не могли согнуться и достать атакующего, а правая, человеческая рука безвольно повисла, поврежденная в бою с Искупленными. Но избранный коготь знал, что за разочарованием нет ни страха, ни даже истинной злости: ничего, за исключением необходимости служить Священной Спирали. Цикатрикс был уродом лишь внешне.

«Я один несу изъян святой, – с горечью осознал Азайя. – Её заразу».

Раздался невыносимый треск: когтистые лапы демона почти раскололи череп жертвы.

– Брат, прыгай! – рявкнул избранный коготь.

«Это единственный выход».

Цикатрикс без колебаний развернулся и кинулся к обрыву, но как только он бросился в бездну, демон подскочил, а затем подскочил вновь, каким-то образом находя опору и в воздухе. Уставившись на Азайю, тварь понеслась обратно к краю скалы.

«Ты тоже можешь, сынок!» – обещала она все воображимое, но не значащее ничего.

«НЕТ!» – прогремело чужое сознание, и Азайя отшатнулся: волна ненависти, пронесшись сквозь него и отбросила искусителя прочь. Рыча и вырываясь, он висел над обрывом в невидимой и нерушимой хватке.

«Чёрные Корабли», – вдруг подумал Азайя. Он понятия не имел, что это означает.

Воздух затрещал от высвобожденной энергии, и чудовище отбросило прочь с такой силой, что оно унеслось далеко за подножие шпиля, в расплавленное море за ним.

– Оно сгорит? – тупо спросил избранный коготь.

– Нет, – снова сказало уничтожающее присутствие, но его гроыхание теперь доносилось издалека. – Нет. Нет. Нет...

– Нет, – отозвался эхом Азайя. Затем, шагнув к обрыву, он прорычал свой собственный отказ вослед демону: – Нет!

Трясаясь от ярости, верующий повернулся и увидел, что позади него стоит женщина. Она была голой, за исключением ввевшейся грязи, что покрывала её словно вторая кожа. Тело незнакомки страшно иссохло, и явно не от обычного голода. Её конечности казались узловатыми палочками, а кости черепа чуть ли не выпирали наружу, словно женщину запытали до смерти. На секунду Азайя решил, что перед ним старуха, давно уже не способная совершить наиболее почитаемое таинство культа, но затем встретил взгляд её глаз, пылающий яростью и надеждой, и понял, что ошибался. Незнакомка не была юной, но не была и старой. Под мантией лишений, обтянувшей скелет, ей было не больше тридцати лет. Какие бы страдания и какой бы ужас ни пережила женщина, опека Спиральной Зари исправит это.

«Мы исцелим тебя, - подумал Азайя с благоговением. - А ты, в свою очередь, сделаешь нас цельными».

Вещунья ждала, наблюдая за вожакон ледяных душ, пока тот изучал её. Трещины, что она видела в его душе, углубились, но при этом он каким-то образом стал сильнее - ближе к безмятежности своих рабов. Двое из них уцелели в резне, но ничего не значили для нее. Их гармония напоминала цепи, она происходила из их крови, сковывала волю и не имела смысла. Но их вожак был другим. Если он сумеет обрести покой, то, возможно, сможет и поделится с ней. Если же нет, Вещунья швырнет его вслед за тем, тёмным, что восстал из Подшпиля. Чёрные Корабли ее не получат!

- Нет... - прохрипела она вслух.

- Нет, - согласился вожак, и его клыкастое лицо омрачилось. - Я никогда не предаю свой род. - Он медленно шагнул ей навстречу. - Священная Спираль соединяет нас, плетельщица варпа. Совпадений не бывает - тебе предназначено понести нашего магуса.

Вожак протянул ей трехпалую ладонь.

- Присоединись к нам, сестра.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Голодную_отбрасывает_тень_/_Cast_a_Hungry_Shadow_\(рассказ\)&oldid=265](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Голодную_отбрасывает_тень_/_Cast_a_Hungry_Shadow_(рассказ)&oldid=265)

Эта страница в последний раз была отредактирована 10 сентября 2019 в 11:05.